

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

ШАМИЛЬ В КАЛУГЕ

- Цикл стихотворений
- Строки воспоминаний
- Статьи

Орёл
2009

ББК 63.3(2)521–69

Р 24

Художественное оформление, дизайн
С.В. Рассохин

Р 24 Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Шамиль в Калуге. (Цикл стихотворений, строки воспоминаний, статьи). — Орёл, 2009. — С. 80, илл.

...Кавказ всегда был прекрасным уголком Земли. Писатели, художники и композиторы, певцы и поэты посвящали ему произведения от Шота Руставели до Льва Толстого, от Коста Хетагурова до Гамзата Цадасы и Сулеймана Стальского. Многим знакомы стихи Низами, Самеда Вургуня, Ованеса Туманяна, Сильвы Капутикян, музыка Согомона Комитаса и Александра Спендиарова.

Однако, народы Кавказа на скрижалях истории пережили и переживают кровопролитные междоусобицы и широкомасштабные войны...

Цель книги — понять через прошлое — настоящее, которое при техническом оснащении бывает очень жестоко. В жестокости скрывается фанатический сатанизм. Ахиллесова пята для него — МИРОЛЮБИЕ.

ISBN

© В.В. Рассохин, 2009

© С.В. Рассохин, 2009

*Имам Дагестана
и Чечни Шамиль
(1799–1871)*

*Эпизод сражения при Валерике.
Рисунок М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина*

*В жёлтом домике направо жил
известный имам Шамиль.
(Из рассказа экскурсовода)*

*Каково горцу в снежных равнинах?
(Удивление слушателя)*

*Нет большего горя, как вспоминать
о счастливом времени в несчастье.
Данте*

Николай I

Отец и сыновья — Гази-Магомед и Магомед-Шафи

* * *

В окошко виден над луною нимб,
Кресты церквей поблескивают справа...
А в памяти вставал аул Гуниб —
Его позор, владычество и слава.

Но не о том тревожился имам,
И даже нет, не ожидал он чуда.
Потоком, что несётся по камням
Ему хотелось вырваться отсюда.

Гортанную опять услышать печь
Собрать под месяц воинство Аллаха.
И впредь на шашке каждого насечь:
«Коварен страх, но плен — коварней страха».

И снова он на белом скакуне,
Среди набов нет лихой измены,
Что ни мюрид, то камень из камней,
И брызжет кровь на крепостные стены...

Прирос к окну взволнованный Шамиль,
В душе — Кавказ, а тело здесь — в Калуге.
И серебрится на морозе пыль
Январской зарождающейся вьюги.

* * *

Мечеть закрыта... Служит ли мечеть?
Не в ней ли обращались мы к Пророку,
Чтоб никогда горячему Востоку
Никто не мог уздечку бы надеть.

Наибы, где вы? Прячетесь в грозу?
Стреляете, должно быть, в одиночку.
Зачем ты к офицеру тащишь дочку?!
Зачем пьёшь водку хлеще, чем бузу?

Зачем ты чистокровного коня
Сменял на золотую табакерку,
А пиалу — на мелкую тарелку?..
Бойтесь, что под пушками Чечня?!

Прости, Аллах! Я заперт и бескрыл,
Но мысленно я говорю с орлами...
Мне больно, если холмики могил
Моих наибов будут под крестами.

* * *

Я с детских лет в дорогу верил,
Сейчас бы в отчие края.
Что говорить, Ока — не Терек,
В Оке — ленивая струя.

Войти в аул седым от пыли,
Определиться на ночлег,
Где старики не позабыли,
Чем каждый славился набег.

Послушать их простые речи,
Кого ругают, кто в чести,
И, горькой правде не переча,
С рассветом к кладбищу пройти.

Моя нога там не ступала,
В лицо не знали, боль деля...
О как то воинство кричало:
— За Шамиля! За Шамиля!

А был ли толк в бою великом?
Кавказ поймали за узду!
И, ошарашенный тем криком,
В мечеть на исповедь пойду.

Простит ли, нет меня Всевышний
За то, что месть будил в крови.
И у Аллаха кто-то лишний
Бывает в гневе и в любви.

* * *

Дым кизячный, зачем ты волнуешь меня?
Через стены тянусь к тебе и через годы.
Я давно приутих, спешен в битве с коня,
И Аргун просветлил непокорные воды.

Дым кизячный, тобой с колыбели пропах,
Даже пахнет булат дорогого кинжала.
Голубым ты приходишь ко мне в моих снах,
Согреваешь меня, если сбил одеяло.

Дым кизячный, ты мне словно мать и отец,
Хоть я сам уже дед с бородою почтенной.
Об одном лишь жалею, что близок конец,
Я бы славил тебя с минаретов Вселенной.

* * *
 ...Лежит мюрид, ружьё отбросив,
 Сорвался с кручи аргамак.
 И от виска отходит просинь
 Там, где пробоина в кулак...

Встаёт Шамиль, так одинок он,
 Тяжёлый сон тревожит вновь:
 Застыла, кажется, под боком
 Того юнца густая кровь.

— Его я нянчил... О великий!
 Как был он телом чист и смугл,
 Глаза — темнее ежевики,
 Красавцу кланялся аул.

Но не окончена атака,
 Нелепа гибель седока.
 За горца и за аргамака
 Аллах отнимет жизнь полка.

И то ружьё, что не успело
 Спустить курок за Дагестан,
 Ещё отделит дух от тела
 У тех, кого ведёт шайтан...

Рассвет. Полозья заскрипели.
 Мороз до рам сковал окно.
 И смятой простыней постели
 Начало дня освещено.

* * *

В аул Хунзах пришёл переполох,
Все прячутся, от старика до чада.
Лишь на хвосте висит собачий брѣх
У головного русского отряда.

Аж под копыта рвутся кобели,
Ни свиста, ни приклада не боятся.
Они ретиво сакли стерегли,
Своих хозяев зная со щенятства.

Кипит, белея, пена у клыков,
Горячий камень впитывает хлопья.
Их стервенит одежда чужаков
И под мундиром преданность холопья.

А в саклях тишь. Лишь бегают глаза,
Сердца стучат во всю грудную клетку.
Всем ясно, что в аул пришла гроза.
Он, как фазан, что угодил под сетку.

Не трепещи, угодливым не будь,
Ещё сверкнём мы шашками в округе...
Имам Шамиль хватается за грудь:
Аул Хунзах аукнулся в Калуге.

* * *

— Ну, как татарин чувствует себя?
— Коранию читает. Дело свято.
— Поди, забыл, как наискось рубя,
Топтал конём расейского солдата?

Несчётно душ антихрист погубил,
Верёвку супостату бы на шею.
— Старались люди. Не хватило сил:
Сам за Кавказ Георгиев имею.

— Богомоленный, значит? Аж смешно.
Убивец, а ласкаться лезет к богу.
— А помнишь, ты аул спалил? Грешно?
Давай-ка лучше выпьем на дорогу.

* * *

Дали шашку — рука не владеет,
Я в мечети, а голоса нет.
Почему белый конь мой чернеет,
Где мониста у жён из монет?

Прохожу мимо скользких ухмылок,
Вместо чёток с Кораном — сума.
Кто-то целит мне в бритый затылок,
По которому плачет чалма.

И ловлю я затылочной частью
Жар свинцовый и холод стыда.
Попади в меня, пуля, на счастье,
Осчастливь Шамиля навсегда.

فولاد و تالیا حایضه اصحابه
نه بانگه کله و نه صدای و نه
بغیر و ایستاد و تالیا نه بانگه
نه بانگه کله و نه صدای و نه
بغیر و ایستاد و تالیا نه بانگه
نه بانگه کله و نه صدای و نه
بغیر و ایستاد و تالیا نه بانگه
نه بانگه کله و نه صدای و نه
بغیر و ایستاد و تالیا نه بانگه

А.П. Ермолов

* * *

Давно окончен утренний намаз,
Свалилась с плеч имама тяжесть ночи:
— Зачем тому извозчику Кавказ,
Что с бочками у проруби хлопочет?

И сына в горы он не провожал,
В мундире сын, оторванный от сердца.
И прост приказ: «В бою добудь кинжал.
Чеченец — враг». А видел он чеченца?

Ему до смерти хватит шашлыка,
Ему до смерти хватит винограда,
И палец не коснулся бы курка
Не будь стрельбы дозорного отряда.

А там стена подобных калужан
С улыбкою подкидывает ядра.
И в дымном эхе тонет Дагестан,
Как в Чёрном море битая эскадра.

Но пуля не обходит смельчака,
И шашка режет воздух не напрасно...
Извозчик мой, не торопи конька,
Тулуп твой красен, и под сыном — красно.

Кинжал не взял. Ударом выбит глаз,
И грудь с крестом раздавлена копытом...
Зачем тебе, зачем ему Кавказ?
Давай папахи снимем над убитым.

* * *

Налился соком барбарис,
И ягоды, как капли крови,
По зелени стекают вниз
На скорбный камень изголовий.

Мюриды спят. Джигиты спят.
Кто пал в бою, не имеет сраму.
И в мире том они летят,
Не изменившие имаму.

И под землей звенят клинки,
Лезгины, лакцы и даргинцы...
И лязг о русские штыки
Коробит чуткий слух столицы.

А что о тех, кто пьёт зарю,
Что за убитых — в поединке?
Султану, шаху и царю
Не отдадут родной пылинки...

* * *

Алыча цветёт, алыча.
Заглянуть бы сейчас в отрог...
Отрубился Шамиль сплеча,
К стремянам не стремятся ноги.

Проседь светится в бороде,
Притупляется зоркость глаза.
Руки вяло ползут к звезде
Даже в благостный час намаза.

Одинок Шамиль, одинок,
Вместо гор — городская келья.
И похож я на тот клинок,
Что ржавеет на дне ущелья.

Кто поднимет его, бог весть,
Сталь и зрячая, и слепая...
Алыча начинает цвести,
Горы в сумерках освещая.

Но за то, чтоб она цвела,
Чтобы свет исходил от сада,
Не держи коня без седла,
Не носи кинжал для парада.

* * *

Мне говорила ночью Аминет,
Горячая до жгучести в постели,
Что холоден для тех сердечный свет,
Кто и в постели думает о цели.

Она права — ей тысяча похвал!
Когда нас убаюкивала нега,
Я всё-таки придерживал кинжал,
Боясь в ночи внезапного набега.

Когда шайтаны жгли подлунный край,
И жаром обдавала обстановка,
Она спросила, как бы невзначай:
— Зачем с тобою рядышком винтовка?

А ласки были вправду хороши,
Душе, как алыче, цвести б от песен,
Но раздвоенный мир моей души
Жене был до подробности известен.

Прости меня — прости через года,
Но ты простишь за истину едва ли:
Две женщины — молитва и гурда —
Меня в ту пору лучше согревали.

Но шашка изменила мне в бою,
Молитва лишь сопутствует доньне.
Пусть я в плену, то тех не признаю,
Кто судьбы мира делит на перине.

* * *

Ведено, мой аул Ведено —
 Как живётся тебе под штыками?
 Ты в калужское виден окно:
 Не закрыть мою память лесами.

Разбираю свой каждый набег,
 Где удача была, где осечка.
 Разве бунт остановит уздечка,
 Или странника — сытый ночлег?!

И.Ф. Паскевич

Высекают копыта в горах
 Боль и гнев оскорблённого сердца.
 Кто там держит винтовки в чехлах?
 Пуля видеть должна иноверца!

От луны над аулом светло,
 В ком ещё затаилась обида?
 За рекой остывает седло
 Моего боевого мюрида.

Всё продал за погон золотой,
 За высокую радугу власти.
 Горца нет... только отзвук пустой,
 Да и тот раскололся на части.

И Коран для таких не Коран,
 Не прощают потомки измены.

Не рожай подлецов, Дагестан,
Разве мало у Терека пены?

Вижу тех, кто могилы предал,
Кто на родине числился гостем.
Верьте мне: самый тощий шакал
Стороной обойдёт ваши кости.

Ведено, мой аул Ведено —
Как живётся при новом имаме?
Неужели на нет сведено
То, что прадеды брали клинками?!

*А.И.
Барятинский*

* * *

Эй, шайтаны-гяуры,
Хватит горцам огня!
Как барашек без шкуры
Дымится Чечня.

Там и старый, и малый
Погребли хазават.
Остриями кинжалы
Тупо в землю глядят.

Офицерские пьянки,
Солдатня на часах.
Молодые горянки
Днём и ночью в слезах.

Воцарилась свободка:
Минареты пусты,
Деньги, карты и водка,
По аулам — посты.

И помимо желанья
В нашу чистую речь
Лезет слово шайтанье,
За которое б — сечь.

Всюду виден упадок —
От одежды до крыш.
Да и горец стал гладок,
Как на речке голыш.

Чем тебе, христианин,
Помешал муэдзин?!
Весь Кавказ заарканен
От ручья до вершин.

* * *

Вот Ермол-паши уже не стало.
Отличался лютостью своей...
Что в Чечне Россия отыскала?
Мало, что ль, Сибири и степей?

Гордый нрав у горского народа,
Трудно окрестить его в горах.
Русская, турецкая свобода —
Всё равно приходит на штыках.

Так горька ты, сладкая приманка,
Как покрытый плесенью чурек.
Каждый горец, каждая горянка
Пробуют тебя который век!

Вот Ермол-паши уже не стало.
Чья же будет очередь за ним?
До сих пор ещё клубится ало
Над страной его кровавый дым.

— Покорись!!! Огонь в словах приказа,
В светлых саклях — темень от смертей.
Долго будут женщины Кавказа
Именем его пугать детей.

А медали, что ему вручали,
Орденские ленты — мишура.
Это для фанатиков печали,
Как бы их цари не поощряли,
Что в могилу — горстка серебра.

* * *

Спи, сынок, сгорел фитиль.
В нашем городе Шамиль.

Востроглазый, с бородой
Там, за каменной стеной.

Говорят, к хвостам коней
Он привязывал людей.

Саблей головы рубил,
Беды чёрные творил.

Спи, сынок, сгорел фитиль.
Не придёт сюда Шамиль.

Каждый вздох его глухой
Охраняет часовой.

Утренняя Калуга

* * *

Просыпается в испуге,
Сон из тела выжал силу:
Роят пленнику в Калуге
Одинокую могилу.

Роят яму у обрыва
Молчаливые солдаты.
И сверкают торопливо
Две зеркальные лопаты...

Наважденье не проходит,
Рвётся жалоба из жалоб:
— Лучше б я погиб в походе,
Пусть ядро бы раскромсало.

Или в пропасть с иноходцем,
Как подстреленная птица.
Если я родился горцем,
В горы должен возвратиться.

Засыпай меня, Россия,
Только дух засыплешь вряд ли,
Всё равно он тлен осилит —
Доползёт до отчей сакли.

* * *

Шакалий вой, шакалий вой
Сегодня был всю ночь со мной,
Хотя откуда он в Калуге,
Где и на лай собачий туги.

Шакалий вой, шакалий вой,
Шамиль пока ещё живой.
Ужели вы того не съели,
Что спрятать в землю не успели?!

И с той, и с этой стороны
При жёлтом отсвете луны.

Шакалий вой, шакалий вой,
Не приходи сюда за мной.
Я за поруганную честь
Успел себя и сгрызть, и съесть.

Но всё равно ты дорог мне —
Звук родины в чужой стране,
Где не заплакать, не завывать,
Где могут полночью зарыть.

* * *

Намаз в Калуге — так, полунамаз:
И пол чужой, и небо вполоконца,
Слеза не облегчает сухость глаз,
Шамиль не слаб — слеза не навернётся.

Ладони к первой тянутся звезде,
Потом к щёкам молитвенно-горячим,
Неспешно подползают к бороде —
Служитель культа кажется незрячим.

Но островато-жгучие глаза,
На лезвие похожие в прищуре,
Дают понять: кипит еще гроза
В его непокорившейся природе.

Надолго ли? Но узник — не юнец,
На раны память — тело потеряло.
Где у молитвы видится конец,
У мести зарождается начало.

Её не срежут пуля и ядро,
Ни с родиной щемящая разлука.
Хоть жги её, хоть вешай за ребро —
Как ни пытай, мучителю — ни звука.

И если говорят, что месть слепа,
Не верьте им, душа её созрела.
Она, как разъярённая толпа,
Где каждый — был истерзан до предела.

* * *

Как тянет утопающего камень,
Как сытый манит нищего рублём,
Зовут Гимры, где пахнет облаками,
Где гром пропах цветущим миндалем.

Я там качался в мягкой колыбели,
Впервые стёр о камни чувяки.
И, как того родители хотели,
Читал Коран под мерные кивки.

Впервые там почувял власть железа,
Впервые обхватил девичий стан,
Впервые там противника зарезал
И побелел от страха, как туман.

Потом — набег низом и с уступов,
Не раз жёг порох плечи и бока.
И горы поглощали горы трупов
От пули, от ядра и от клинка.

Вся жизнь моя из темени и света,
Чего в ней больше — пепла иль огня?
Но я хочу последнего привета,
Где кости тех, кто вынянчил меня.

* * *

Аллах, Аллах! Куда не глянешь — крах!
В родном ауле — русские солдаты...
Не верится, что в каждой сакле — страх,
Хотя все сакли пушками прижаты.

Не скрыться от каленого ядра,
Оно не внемлет голосу пощады.
Металл не свалит, выстрелит гора,
Оглохшая от частой канонады.

К ущельям перехвачены пути.
Эх, горец мой, невозмоги опалу:
Возьми кинжал, мне горло отхвати —
И голову кинь в ноги генералу.

Потом свою винтовку зачехли,
Займись вином, выдeldывай овчину,
А мысли, что кусают, как шмели,
Пускай уйдут в подушку и в перину.

По праздникам — целуй трехцветный флаг,
Зубами пробуй царские монеты.
Но трусость ненавидит даже враг,
Для труса сокращаются рассветы.

И прах его покоя не найдёт,
Его земля не примет по-земному.
И все за то: когда страдал народ,
Он изменил отечеству святому.

* * *

В Дагестан теперь не возвратиться,
Провалюсь сквозь землю от стыда...
Так, обвалом вспугнутая, птица
Не находит тёплого гнезда.

Пленник — он уже полуизменник,
Обрастает ложью и хулой.
Время серебро затянет чернью,
Золото — не тронет чернотой.

Белый конь мой, мир твоим останкам.
Это ты, не чувствуя копыт,
Нёс меня к возлюбленным горянкам,
К славе, где был недругами сбит.

Блеск кинжальный глаз не согревает,
Я и сам в ножнах по рукоять.
Боль ранений силу отнимает —
Чётки устаю перебирать.

Смолоду Коран был мной изучен,
До кончины пленнику свети!
Мне б теперь через моря и кручи
Остов свой до Мекки донести.

Чтобы там — пред ликом Магомета,
В очереди странников седых —

Отделял я резко тень от света,
Павших вспоминая и живых.

В Дагестан теперь не возвратиться,
Провалюсь сквозь землю от стыда...
Так, обвалом вспугнутая, птица
Места не находит для гнезда.

* * *

Чёрный камень Каабы,
Жизнь моя коротка.
Я иду к тебе, слабый,
Без семьи и клинка.

За кровавые реки,
Что впитала земля,
И сейчас, и вовеки
Ты прости Шамиля.

Я не думал о битве,
Злу ответила злость:
Мне Кавказ на молитве
Удержать не пришлось.

И владельцы кинжала
Не хотели войны.
В саклях, сбросив усталость,
Ели с маслом блины.

Козий сыр — не патроны,
Виноград — не шрапнель.
Царь привёл батальоны,
Метил порохом цель.

Но и мы не из слабых —
Багровела земля...
Чёрный камень Каабы,
Ты прости Шамиля.

* * *

Шашка сломана — я не жду добра.
Горе выпало, как Эльбрус-гора.
Не обнять мне жён, ни молитвы спеть,
Опустел аул, сирота — мечеть.

Взматерел в горах орудийный рык.
Неужель, Аллах, ты к нему привык?

Сбереги детей, сохрани очаг,
Развали Эльбрус на моих плечах.

* * *

Всё-таки дошёл Шамиль до Мекки,
На пути ударила беда.
Всё, что накопело в человеке,
Стены поглотили и года.

Меченый то шашкою, то пулей,
Проклятый, низвергнутый, святой,
Жил в Калуге, дух витал в ауле,
Где родился, где скликал на бой.

Побывав в смирительной рубашке,
Щупая пустые газыри,
Месяцу молился, словно шашке,
Что висел с заката до зари.

Родина поруганной вставала —
Становилось холодно в груди.
Русские... Они — народ бывалый:
За Христа, а пушки впереди,

Избирай потом любого бога,
В рабской жизни верь или не верь.
Но когда захвачена дорога —
Бездорожьем ходит только зверь.

Потому клыкасто и свирепо,
Вырезая в спешке лагеря,

Горцы нападали прямо с неба,
Зная алчность белого царя.

Потому отчаянно до боли,
На дыбы привстав последний раз,
Удила романовской неволи
Изо рта выталкивал Кавказ.

Всё-таки дошёл Шамиль до Мекки,
Помогла она ему — как знать...
Но сказал он, закрывая веки:
Коль бунтует воля в человеке,
С шашкой — можно пушку оседлать.

ИЗ ВЕКА В ВЕК

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ДЕЛИБАШ*

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьётся красный делибаш.

Делибаш! не суйся к л а в е,
Пожалей своё житьё;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадёшься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?
Делибаш уже на пике,
И казак без головы.

1829

*Удалец

М.Ю. Лермонтов.
Рисунок
Д.П. Палена.
1840

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ВАЛЕРИ́К* (Отрывок)

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили тёмный лес;
Огнём дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далёкой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.

.....

Верхом помчались на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

.....

*Валерик, или Валарик, — речка в Чечне, приток Сунжи. «Валлариг» — по-чеченски «мёртвый». «Речка смерти» — в день сражений действительно стала такой.

А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места хватит всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

*Художник-
баталист
Г.Г. Гагарин*

1840

В ГОРАХ

Не помолясь ни дьяволу, ни Богу,
В бешмете чёрном, как черкес-джигит,
Выходит он на лунную дорогу,
Когда звезда с звездой говорит.

Что надо офицеру?
Давит скука?
Мундир с весёлым блеском эполет?
Есть золото
У бабушки для внука,
Да выводил красавиц на паркет!

Холодный лоб.
А мысли грозовые:
— Докуда мономашить подлецу...
Он верит:
Время вымоет Россию,
Немытой быть ей просто не к лицу.

И, обречённый роком на бессмертье,
Дела и мысли зная наперёд,
Через Машук
В грядущие столетья
Мятежность неубитую несёт.

15 ИЮЛЯ 1841 ГОДА

Что ж молчали вы,
Стены Кавказа?
Отсвет молний
На мокром лице...
Жизнь поэта —
Крылатая фраза,
А свинцовая точка в конце.

Пятигорск

...Его «Бородино» —
это зеркало моей «Вой-
ны и мира»

Лев Толстой

Памятник на месте дуэли
великого поэта

МОЛЬБА

Люблю отчизну я, но странною любовью!

М. Лермонтов

Прав Лермонтов! Есть странная любовь;
Россия — индустрийно-деревенская
Бананы ест, а всюду льётся кровь —
Абхазская, такжикская, чеченская.

И недоросли сели за рули,
Перегрузив дороги иномарками,
Как будто бы они пупы земли —
С валютою и теннисками яркими.

А где-то внучка бабку — топором,
А пьяный хлюст загнал комбайн в болотину.
Министра бы иного сечь кнутом,
Что в банк швейцарский заложил бы родину.

Скажите мне, кто пойман на аркан,
Куда ведёт экстаз эротосмелости,
Когда девичья грудь во весь экран,
А вместе с тем и все девичьи прелести.

О Господи! О Родина моя,
Где дедушку не знают, как по отчеству,
Где на шашлык зажарят соловья,
А храм взорвут когда кому захочется.

Прав Лермонтов: жандармы чтут мундир.
И голубые заменив пятнистыми,
Под видом мира людям шлют не мир,
А горы горя в их края гористые.

О Господи! Спаси и помоги!
Не допусти глумленья над заветами.
А может, сами мы себе враги,
Когда разбой скрепляется ракетами?

31 мая 1995

Глазницы зла

*Аллах акбар!
Аллах велик!*

В ПЛЕНУ У ВАХХАБИСТОВ

Сослуживец из Чечни
Пригласил в аул Гимры.
На мясных застольях горских
Об имаме говорить.

Всё обычно, всё отлично,
А потом — пришла война...
Развернулся было Толкин —
Исламистами зажат!

За год — страху натерпелся,
Но не тронули пока.
Старший, Ваха из повстанцев,
Жизнь — за выкуп придержал.

Было дело, под прикладом
Не спалось под Ведено:
— Принимай, гяур, Аллаха,
Вы пришли к нам, а не мы!

Толкин знал про буйный Терек,
Ибрагимову — читал.
Аль-Карахи, аксакала —
В блеске сабель осмыслял.

Говорит он иноверцам,
Пригубив с кизилом чай:
— Вы с Дудаевым, иль сами —
Объявили шариат?

Ну, Русланы и Умары
(Газаватчики в плоти)
Раскумарились в кошаре:
«Может ли шакал равнин
Знать Коран, как муэдзин?»

— Салутдины, Алладины,
Вы акбарцы ещё те!
Шамя бы воскресили,
Будь волшебнее Аргун!

Не стреляйте в русских, горцы,
Мы же — семьями свились.
Дичка вин плодом культурным
Разлозилась по стране!

А теперь в России — смуглый —
И бандит, и фидаин...*
Затрагичилась «вендетта»,
Как подружим мы детей???

*Фидаин, фидаины (арабск.) — «камикадзе» Ислама, погибающие в террористических операциях по заданию лидеров общины.

— Плова хочэш? Анаши?
— Жэншыну на ночку?
— Странный русский камандыр,
Как мыслит, как Кадыров...

— Вместе Брест мы защищали
И Ошаев завещал:
«Не ругайтесь с лучшим в русских».
Я ж Гамзатова учил!

— В Хасав-юрт его отправить?
— Не, Радуев не поймёт...
— А Масхадов далеко ли?
— К Яндарбиеву его!

Тут старейшина Хаким
Говорит главе отряда:
— Отпускай его, эмир,
Добряку — С а л а м ы!

Из Гимров мулла прислал
Метрику на парня:
«Уважает он Ислам...
И Христа славит!»

Проведя вне блокпостов,
Чтоб не расстреляли,
Подари наш Богослов,
Ай, дружили ж...раньше!

Не страдали бы за нефть,
Был бы жив Дудаев...
Ельцин мог бы нам помочь,
Не мочил бы Путин.

Топай, мытарь, хоть куда,
Если дервиш в жизни!
Без оружия пришёл,
Значит, друг — мыслитель.

Глава из книги
«ЛИШНИЙ ГРАЖДАНИН»

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Седеют люди, горы не седеют.
Что для Эльбруса вечные снега?
Допеть бы песни, что на сердце зреют,
Собрать бы сено вовремя в стога.

Поэт седин не красит и не прячет,
Он стал седым от мёртвых и живых...
Строка должна слепого сделать — зрячим,
А песня — окрылить должна глухих.

ПОД ПЯТИГОРСКОМ

Вот здесь в расцвете знойного июля,
Вновь всколыхнув российские сердца,
Оборвала сатраповская пуля
Дыхание кавказского певца.

Погиб поэт, но песнь не оборвётся.
Ей в тупость бить,
Стрелять в глухую тьму...
Стоит Машук,
Весь бронзовый от солнца —
Нерукотворный памятник ему.

В МУЗЕЕ

Нервы мои на пределе,
И под стеклом — не мираж:
Вынутый после дуэли
Лермонтовский карандаш.

Встань, испишись до остатка,
Мир потряси до основ,
Чтоб получилась тетрадка
Последуэльных стихов.

**ТИГРИЦА
ЦЕНЗУРА**

О, как она спешит на запах
Животрепещущей строки,
Что даже за когтями в лапах
Частенько отстают клыки!

СУДЬБА КАВКАЗА

Ахмату-Хаджи Кадырову

Уходят горцы в даль святых ущелий,
Становятся водою буйных рек.
Их дети, что в неволе помрачнели,
Войдут туда же душами калек.

И флаг добра не будет чист от крови,
И стяг от зла не станет зеленой,
Когда народы выглядят суровой,
Когда в ущельях жизнью, как камней...

8 марта 2005 г.

БОЛЬ

Давний отклик на события далёких лет

Вздрыгнули от гнева снеговые выси,
В трауре планета — не один Кавказ.
Как несовместимы «танки» и «Тбилиси»,
«Тициан Табидзе» и «токсичный газ».

Люди в день прощанья стали, как родные,
Засветили свечи с раннего утра,
Чтоб не омрачались тенью тирании
Веточки мимозы, вольная Кура.

Гусеницам танков не урезать солнца,
Всех цветов не сможет срезать автомат.
Грузия, как прежде, для меня, орловца,
Пчёлами гудящий, благовонный сад.

КАВКАЗСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Агрессия через годы

ЧТО ты натворил, Саакашвили?
Кто тебе дал право убивать?
На кого стволы вы наводили —
Тысячи погибших не поднять...

Старики и дети под пальбою,
Матери в обломках и в пыли...
Как могли решиться на такое
Уроженцы здравницы-земли?!

Кайся же, ООН, лакей от НАТО,
«Ястребам» и слёзы — как роса.
За убийства — следует расплата,
Кровный грех не смоют небеса.

Мсть придёт за муки и страданья,
Если вновь обрушится гроза...
ГЕНОЦИДУ — нету оправданья —
Кто б не лгал сегодня нам в глаза!

9–10 августа 2008 года,
г. Орёл

КРУТОВОРОТ

О гороскопы, гороскопы!
Вы то отрада, то тоска.
Войска выводят из Европы,
А на Востоке — вновь войска.

И веры все на нервном взводе,
И пресса вся — сплошной скулёж.
Кого спросить: в каком народе
Так ненавидят молодёжь?

Её высаживают скопом
На минном поле, под снаряд.
Стратеги войн — за перископом
Или из бункеров следят.

Что материнские им слёзы,
Костями хочется хрустеть.
Для них, что пальмы, что берёзы —
Всё цель — и церковь, и мечеть.

И диктатуры не случайны,
Они не только бьют штыком...
Гороскопические тайны —
Наркотик в хаосе земном.

И не спасают Козероги,
Не свет гуманнейших идей.
И безучастно смотрят боги
На властелинов всех мастей.

Какого ждать ещё нам века,
Как человек от войн устал!
И почему за человека
Разумный хищник правит бал?!

* * *

Ох, Страдалица-Земля!
Предали нас вместе
АКАДЕМИКИ ВРАНЬЯ,
КАНДИДАТЫ ЛЕСТИ.

А Оратай и Кузнец
В темноте инстинктов
Вместо хлеба — ест свинец
Мировых конфликтов.

ЗАРНИЦЫ СЧАСТЬЯ

* * *

В далёкие мои студенческие годы в Орёл на гастроли приезжал всемирно-известный маг национальных танцев — Махмуд Эсамбаев.

Я со своей молодой женой Валентиной буквально прорвался на один из его концертов. Великий артист Чечни, светящийся обворожительной улыбкой, был встречен бурей аплодисментов!

Не знаю как, но среди окрылённых зрителей мы оказались рядом и даже пожали руку искромётному горцу. В ответ получили фото с его автографом. Сила искусства была столь велика, что мы стали богаче на целый мир. Это забыть невозможно!

* * *

С Раисой Ахматовой, народной поэтессой Чечено-Ингушетии, автором лирических книг «Перевал», «Рассвет и горы», я познакомился в Москве на 6 съезде писателей Российской Феде-

рации. После официальной части тёплый и сердечный разговор состоялся с дочерью солнечных долин и снежных гор в гостинице «Россия».

Её рассказ о родине — сверкал самоцветами. Я был приглашён в Урус-Мартановский район, по её словам, самый лучший. Хотелось не ехать туда, а лететь... Не полетел. Последовали трагические события, которые тяжёлым бременем легли на судьбы наших народов.

Красоту перечеркнула военная гроза. Какие теперь книги напишутся мастерами пера с Терека и Сунжи?

* * *

Стихи Расула Гамзатова, автора незабвенных «Журавлей» мне полюбились с юности за меткость, афористичность, многокрасочность и сердечность, что свойственно всей восточной поэзии. Лучи дарования великого Омара Хайяма коснулись и его творчества.

Мне посчастливилось поговорить с ним два раза. После 6 съезда писателей я неожиданно получил приглашение на банкет в Кремлёвском Дворце Съездов.

За президиумным столом, повыше от делегатов — Председатель Совета министров РФ М.С. Соломенцев, Председатель Союза писателей РФ С.В. Михалков, члены правительства и литературная элита.

Банкет — есть банкет. Выпили водочки. Закуска божественная! Разговоры — по существу. Писатели несказанно рады кремлёвскому вниманию!

И вдруг из президиума с чаркой в руке приближается к нам, не сумев спрятать улыбку в чёрные усы, уроженец аула Чегем, народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев.

— Орловцы?

— Да. В разговор вмешивается поэт и краевед Василий Михайлович Катанов.

— Кайсын Шуваевич! Мы знаем, что Вы сражались на Орловщине, были ранены... Напишите нам об этом.

— Хорошо, напишем... Всё помню — Сталинград и Крым ≥ А вы, молодой человек, обратился он ко мне, — над чем работаете?

— Готовлю к печати цикл стихотворений «Шамиль в Калуге».

— Не хочу отнимать хлеб у Расула. Это к нему, — и показал на сияющего белизной волос Гамзатова, стоявшего в президиуме.

— Да это же Эльбрус! К нему не подойдёшь, — отшутился я,

— Как не подойдёшь? Штурмовать будем! — горячо сказал Кулиев и меня с чаркой в руке потащил к певцу Кавказа.

— Расул, вот орловец про Шамиля пишет!

— Как фамилия?

— Рассохин.

— Рас-со-хын? — произнёс он врасстяжку и с сильным акцентом.

— Пасматры назат!

— Я оглянулся. Мастера романов, повестей, эссе и рассказов, пьес и стихов неописуемо усердствовали за стойками, поглощая спиртное и казённые деликатесы.

— Па-сма-т-ры ищо рас!

.....

Я молчал, но тут же улащал:

— Да разве здесь про Шамиля говорят?! Жду тебя в Махачкала!

Но жизненные обстоятельства не позволили мне посетить столицу Дагестана, где на улице Горького в доме 15 жил сын Гамзата Цадасы.

* * *

В калужском производственном объединении «Полиграфист» в 1985 году выходила моя книга «С восходом солнца». Я включил в неё одно стихотворение из цикла «Шамиль в Калуге». Когда книга вышла, там стихотворения не оказались. Кто его снял, редактор или цензура, я так и не выяснил: все пожимали плечами...

Было очень обидно и многое непонятно. В Москве, встретившись с Расулом Гамзатовым, я, как говорится, пустил ему слезу в жилетку.

— А ты «Мой Дагестан» читал?

— Как же! В косолаповском «Новом мире».

Он засмеялся и сказал:

— Павторы, в каком?

— В косолаповском.

— Точно сказано. Там от «Моего Дагестана»

— одна треть осталась, но редактора я не виню. «Редактора» есть повыше... У орла — слабей зоркость...

Я был потрясён. В памяти промелькнули его заслуги: лауреат Государственной и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР и член его Президиума, народный поэт... не считая награды...

— Вот это ЦЕНЗУРА! — и сразу же забыл про своё стихотворение величиной с маковое зёрнышко.

— Ты снежного барса видел?

— Нет.

— Когда пишешь, не думай о нём. Он всегда найдёт ЧТО в твоём труде отхватить. Клыки — острее кинжала...

О цензуре автор «Горянки» намекнул иносказательно, МАСТЕР!

* * *

Однажды мне попался на глаза международный журнал. В нём были краткие биографии президентов, премьеров, лидеров партий, эст-

радных певцов и кинозвёзд. Среди этого калейдоскопа к моему изумлению я увидел материал о правнучке имама Шамиля. В то время я работал над циклом стихотворений о нём. И, естественно, каждая чёточка, каждая деталь или исторический факт были для меня как глоток воды при жажде.

Назима Ханафи Мухаммед родилась в Эфиопии, куда из царской России бежали её родители. И что самое удивительное — в молодые годы она связала свою судьбу с русским. Им оказался орловец Юрий Лапин, сын белогвардейского офицера, который при отступлении деникинских войск забрал малыша с собой. Кроме того, у будущего мужа тоже оказалась знаменитая родословная: он являлся внучатым племянником Ивана Сергеевича Тургенева...

В Спасском-Луговинове я рассказал об этом сотруднику музея, изучившим почти всё об авторе «Отцов и детей», африканская новость вызвала сенсацию... Так иногда переплетаются жизненные ветви глубоких корней.

Я отослал книгу «Шапка Мономаха», где был опубликован цикл стихотворений «Шамиль в Калуге» хозяйке виллы в предместье Аддис-Абебы и при получении уведомления был рад, что моя работа попала по назначению и в надёжные руки...

На писательском съезде в Москве я вновь встретился с Расулом Гамзатовичем.

— Пачему не приехал? Дэтэй много?

— Замотался. Новую книгу готовил...

— Что нового?

— В Калуге, где жил почётный пленник царя имам Шамиль, «редактора» вычеркнули стихотворение о нём...

Неожиданно он спросил:

— Ты «Мой Дагестан» читал?

— А как же?! Ещё в «Новом мире»...

— В «Новом мыре», гавариш? Так там от «Моего Дагестана» одна треть осталась. Государственные ножницы не авец, а мысль стригут. Есть наверху и внизу первоклассные стригали!..

Мы расстались, но после этих слов я долго не мог прийти в себя и думал: «Он сам государственный человек, бессменный депутат Верховного Совета, наград и званий — осетра в Каспии меньше, а Всевидящее Око постригло такую Глыбину. У меня же ни звания, ни медали и боль за снятое стихотворение о Шамиле пропала, но какой изумительный урок я получил от Мастера!

* * *

Бесценную книгу Халида Дудаевича Ошаева «Слово о полку Чечено-Ингушском» я получил

в дар от его земляка. Вот какую надпись он сделал на титульном листе:

«Рассохину Виктору Васильевичу — лучшему другу чеченского народа, чья поэзия и проза отражает боль, печали и радости человека.

С уважением искренне Ваш почитатель,
руководитель представительства Чеченской
Республики по Орловской области,
Грозный — Орёл
Салаудин Тесаев
23.XI.04 г.»

Это уникальное издание Салаудин Тесаев также подарил Губернатору Орловской области Егору Семёновичу Строеву.

При длительной беседе с посланцем открылись новые страницы его многострадальной родины. Он сказал, что «Шамиль в Калуге» тепло встречен читателями, что книга будет готовиться к изданию, а Ахмат-Хаджи Кадыров так и заметил: «Привези сюда орловского поэта!»

Трагическая гибель национального лидера потрясла весь мир. Жаль, что не пришлось пообщаться с имамом-современником...

К приезду в Орёл нового Президента Чеченской Республики Алу Алханова я тоже подготовился: выполнил просьбу Салаудина Тесае-

ва сказать доброе слово о труде «Солженицына гор».

При встрече с Президентом я передал ему свой отклик «Навстречу друг другу» с просьбой опубликовать в СМИ республики. Вручил ему книгу «Шапка Мономаха», а второй экземпляр просил передать сыну Ахмата-Хаджи Кадырова — Рамзану. Вскоре названная работа была опубликована в газете «Говорит и показывает Орёл» и дана в Интернете. Думаю, что её прочли не только на Кавказе.

События многовековой «горячей линии» отмечены в газетах «Живая мишень», «Орёл-курьер», «Деловой вторник», «Орловский вестник», в книгах «Шапка Мономаха», «Круговорот», «Последняя дуэль», «Капель», «Золотая кувшинка», «Ток» и «Век ИКС».

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

(Заметки по поводу)

«Каждый хочет, чтобы правда была на его стороне, но не каждый хочет быть на стороне правды».

Ричард Уэйтли

Всложной и в основе трагической жизни народов всегда существовали отрезки времени, которые надо было пережить. Между революциями и войнами, в хаосе гражданского братоубийственного противостояния, в годы гонений, репрессий и при работе над ошибками опрометчивых гослидеров наиболее сильно пострадали малочисленные народы и национальные меньшинства.

Кавказ, давняя и кровоточащая рана России, по-прежнему остаётся глыбой преткновения, социально-гражданским вулканом в отношениях в первую очередь русского и чеченского народов. Здесь же дружили и воевали с ними, жили веками и боролись за независимость гру-

зины, адыги, кабардинцы, черкесы, аварцы, татары, балкарцы, ингуши, азербайджанцы и армяне, лезгины и мегрелы, потомки генуэзцев и турок...

На исторических параллелях не все народы пострадали одинаково в гражданскую войну, в годы сталинского лихолетья и Великой Отечественной. Формирование, увековечение и прогресс мало схожих этносов и фольклора этих трудолюбивых самодостаточных народов и нацменьшинств пожизненно ущемлялись самодержавием и идеологической направленностью ушедшего строя, уравнивавшего каждого смертного в СССР.

Совместные завоевания многонационального пролетариата укрепляли дружбу между нашими народами, вселяли веру будущих поколений в необходимость идти вместе и навсегда. Русские влюблялись в горянок, горянки выходили замуж за русских. Их дети учились в лучших вузах страны, пускали корни в Центральной России, на Урале и на Дальнем Востоке. И никто из родившихся после великой войны не думал, что придётся пережить в годы потери великодержавности, что их сыновья и дочери будут вынуждены взяться за оружие и взрывчатку...

Многие, не выдержав страданий и гонений, неустройства жизни и потери кормильцев,

были вынуждены выехать за рубеж, где вряд ли были приняты с распростёртыми объятиями в роли «политических» и «моральных» эмигрантов...

Закономерность в отношениях с ними едина: «Мир между народами — вот залог стабильного будущего!» В своих статьях «Оглянись во гневе», «Террор трёх веков», в цикле стихотворений об имаме Шамиле, «Поосторожней с Ермоловым», «Распятия всероссийского не прощаю!» и в повести о басмачестве «Зелёное знамя Ислама» я пытался провести линию о содружестве двух главенствующих религий цивилизации.

Каждый родившийся на территории бывшего СССР обязан чтить созданное предшествующими поколениями, ибо наша земля отвоёвана и защищена общими усилиями, умом, жизнью и смертью народов.

Убедительный пример тому — подвиг чеченцев, защитников Брестской крепости, чьи образы с большим уважением и любовью воскрешены одарённым писателем Чечни Халидом Дудаевичем Ошаевым в его выстраданном труде «Слово о полку Чечено-Ингушском». Автор сборника документально-художественных произведений проявил себя справедливым и мудрым правозащитником, борцом за права чеченского народа, депортированного в Среднюю Азию и Казахстан. Его личность; по словам сына

Майрбека Халидовича, ведущего специалиста Архивного управления Правительства Чечни и её представителя в Орловской области Салаудина Тесаева, «противостояла антинациональной великодержавно-шовинистической политике партийно-чекистского аппарата в Чечено-Ингушской АССР советских времён»...

«Солженицына гор» неоднократно арестовывали и ссылали, допрашивали в КГБ, травили на работе и в печати, исключали из партии. На него оказывали жёсткое давление через родственников, друзей и номенклатурный местный Союз писателей...

Судьба грандиозного по фактам труда в виде рукописи невероятно сложна и до боли знакома многим писателям, стоящим на позициях человеколюбия, добрососедства, толерантности, доверия и дружбы. Рукопись пытались изъять и уничтожить. Она постоянно перепрятывалась роднёй и друзьями Ошаевых, попадала под бомбёжки, прошла патрули и блокпосты и лишь по воле Аллаха чудом сохранилась.

Но и в новые времена, несмотря на просьбы Майрбека Халидовича, никто из госмузей и бизнесменов РФ и ЧР не помог в издании книги, не ответил хранителю славы чеченцев просто из вежливости...

Между тем пятисотстраничный том, всё же вышедший в Нальчике в 2004 году, повествует

о героизме и трагедиях чечено-ингушского народа в годы Великой Отечественной войны. В подробнейшем, даже скрупулёзном изложении написаны главы: «Будем помнить», «Брестская крепость накануне войны», «Битва за крепость». Документальный текст весомо дополняют редчайшие фотографии из семейных архивов военнослужащих «бессмертного гарнизона».

По сути, «Слово о полку Чечено-Ингушском» — книга-мемориал, бесценное сокровище свободолюбивого горского народа. Надо отдать должное семье Ошаевых, редакторам, художнику, корректорам и наборщикам, Издательскому центру «Эль-Фа» и республиканскому полиграфкомбинату Кабардино-Балкарии — книга явилась энциклопедией ратного подвига бессмертных героев Кавказа...

Неутомимый архивариус, настоящий горец и патриот Халид Дудаевич Ошаев, прежде чем уйти к вечному покою в 1977 году, завещал помнить о пережитом во имя мира и благополучия наших потомков. Объединив своей титанической волей и подвижничеством свыше двадцати соавторов-воинов, он составил список чечено-ингушских участников Бреста — 275 человек: Почти все погибли или пропали без вести, а сам список может пополняться при дальнейшем изучении эпистолярного наследия Х. Д. Ошаева.

В книге также представлены художественно-документальная повесть «225-й... Чечено-Ингушский...», большое количество фотодокументов, очерки о защитниках Родины, в том числе об освободителях Орловщины летом 1943 года, рассказы-были из истории депортации чеченского народа «Под кровавыми сапогами»...

Не только по требованиям и просьбам Александра Лебеда и Льва Рохлина настало время остановиться и прекратить междоусобицу, начинающую напоминать многолетнюю бойню Израиля и Палестины. Думающие и работающие президенты и парламенты России и Чечни должны наконец понять, что навстречу друг другу нужно идти без оружия.

Орёл — Москва — Орёл.

ТЕРРОР ТРЁХ ВЕКОВ

Точка зрения

Круговорот Мира — факт человеческой жизни, — есть отпечаток их предыстории, хитро «опускаемой» людьми тех ступеней, что представляют хладнокровную сегодняшнюю власть.

Вмоих руках апофеоз «Блеск дагестанских сабель в некоторых Шамилевских битвах» Мухаммеда-Тахира аль-Карахи — половина уникального документа XIX века, который живо ассоциируется с бегущим днём. Жестокого и авторитетного имама Чечни уютно заточат в Калуге за «газават» против самодержавия. Сына заласкуют блеском эполет и подконтрольной (царской) свободой. Недалёкого обывателя больше интересует гарем. Однако прошедший пули, ядра и кинжалы генера-

лиссимус, по-своему уважая убийцу муфтиев и муэдзинов Ермол-пашу, после эпистолярия М.Ю. Лермонтова «Валерик» приказывал не стрелять в поручиков. Что это было? Проявление демонизма или геройства своего, тогда нашего времени? Ясновидение воюющего полководца?

«Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, «Черкесы» убиенного ни за что гения, «Буйный Терек» Х.-М. Мугуева, работы Мариам Ибрагимовой и других мастеров и ныне доказывают вековую непримиримость детей Кавказа, тысячно убитых и выдворенных в бездну режимом кавказца (горца) Сталина и тем же мегрелом Берия. Прошли годы и лично мне, увы, не понять молчание светила культуры Дагестана Р. Гамзатова, посмеявшегося надо мной в Кремле после разговора о будущей моей работе «Шамиль в Калуге», вошедшей позднее в книгу «Шапка Мономаха», дружески встреченную в двух полушариях Земли...

Произошедшее в Москве — адское подтверждение вечно живущей мусульманской «вендетты». Баксо-евровые СМИ, ТВ и ВР, будто незрячие, не заглянули в глубь и не изучили канву давнего зла, работая по факту в спешке подачи окровавленного теракта в Москве на Дубровке в прямом эфире.

Поспешно-гнетущая и «слёзная» (лживая) вёрстка событий освободила якобы кающуюся элиту от анализа катастрофы, возобновлённой при жизни Д. Дудаева, бонз-слуг Брежнева — Сулова — Шелепина и проельцинских военлобби, приведших к внутренней битве православия с мусульманством. Болея душой и сердцем после терактов, напомним, что те же чеченцы сложили сотни тысяч голов за дело народа в гражданскую, Великую Отечественную и позорную (ввиду ненужности) афганскую войны, кое-кто сражался в Египте и во Вьетнаме.

В этой нервной, эмоциональной нации, почитающей Коран, были и есть даровитые представители искусства, науки, культуры, техники, бизнеса, просто порядочные люди, не продавшие силу слова и творчества за магазины автомата Калашникова, сконструировавшего арсенал уничтожения нации и рас. Не оттого ли россияне страдают за передачу военлицензий? Не потому ли мармеладствует вооружённая провинция, для которой трудодень круглосуточен ежегодно?

Для чёткого понимания террора как антигуманного, опасного явления, следует показать длительно крупным планом разрушение Чечни, расширение погостов, внутриаульный

крик, плач, стон матерей, отцов, братьев, сестёр, жён, любовниц и детей, в бесцензурном реализме выявить преступления «контр-террористической операции-зачистки» сроком около десяти лет. Нужно исключить понятие «бандиты с Кавказа».

Что, разве богатейшая Россия обнищает, предоставив Чечне суверенитет? Генерал Дудаев перед бомбардировками здраво предлагал взаимовыгодный договор по всем энергетическо-геополитическим дилеммам. Его загадочно убьют ракетой «икс-класса» при московском госте, но пустившие её в ход аннулировали версию того, что Алла Дудаева способна нести зелёное знамя ислама во главе «Амазонок Джихада» или «Ваххабисток Кавказа»...

Автор испепеляюще-гневно осуждает деяния «язычников-духов», считает ошибкой амнистирование «партизан гор», участвовавших в убийстве российских военнослужащих, заблуждающихся контрактников. Ратный труд наших детей — энциклопедия нового времени «Если не мы, то кто?». И даже безоружный вахтенный по стране писатель в тяжкие трое суток теракта в Москве обязан спросить:

— Почему избранные муфтии страны, их значение и влияние были показаны России только после операции спецслужб в «Норд-осте»?

— Отчего Русская Православная церковь заняла проправительственную ориентацию, при нереальности стыковки Церкви с государством после сверхтрагедизма периода богохульства и репрессий?

— Зачем в проворовавшееся общество, «обригадированное» пальбой-трюками всех калибров, так продуманно и цинично дозируется страх дышать, кушать, работать, размножаться?

— Кто подписал секрет-указ о вводе Чрезвычайного положения по «завихрённому» Отечеству? Кто дал право подписчикам прятать своё нутро под бронёй лимузинов, эксклюз-клубов, супердач и под охраной новой бессонной армии телохранителей?

Вопросы, мучение без ответов... Они многолики, разноцветны, бесконечны и нахальны, зато правдивы. Трудно найти «Рубикон» и разбудить «Гордиев узел» в командировках по державе. Но, экскурсируя её творчески, во многих городах, деревнях и сёлах, я декламировал слушателям цикл стихов «Шамиль в Калуге». И где бы ни проходили чтения, беженцы рыдали, поражаясь проникновенности рифмы-строки, напоминающей им общемусульманский хадж в Мекку, поклоны, и поцелуи Чёрной глыбины Каабы...

Да, Аргун, Терек, Бзыбь, коварные ледники, Панкиссия, уклад быта и понятий по шариатским обычаям, единоверцы зарубежья выпестовали смертников имени Аллаха, фанатично преданных Его заповедям. Судя по начинке мозгов и поясов экстремистов, они решили крушить Москву за Грозный, превзойдя в стратегии арабских радикалов Палестины, Израиля и Пакистана. Масхадовский ход для России чрезвычайно опасен — война, очевидно, продолжится...

Прогнозирование завтра статистически неудобно от кинжала до газа. По-честному, выход из террорного тупика прост. Лавирующими в лабиринтах братоубийства он не оглашается по причине того, что признание свободной Ичкерии подтолкнёт, не в обиду, чукчей или нанайцев к созданию своих олене-лососёво-меховых республик. Неожиданно для ООН и НАТО могут заявить о своей «небесной предначертанности»: Одесса и Биробиджан, а негры могут потребовать от Англии и США многолетнюю компенсацию за рабовладельческую эксплуатацию предков (в миллиардах, конечно, долларов). Япония ещё раз напомнит о Курилах...

Залог будущего братства народов — понимание, оценка, знание тысячелетнего пути

каждой нации, в Вере которых (при изучении их истории) бьёт бурным ключом — Человеколюбие!

Иначе сброс накопленных вооружений, озвученный по закону вождями и калифами, укажет землянам новые лица неугодной национальности, либо вынудит их строить колонии в Антарктиде, а может быть, кислород-купол на Луне или на Марсе.

«Террор плодоносит террор!» — завещал опрокидыватель всех Вер, неупокойный В.И. Ленин...

Пойдём ли мы заново по старому пути? Или проторим умом и делом новую колею в истории многовековой войны двух миров на одной планете?

* * *

Законы пишут в мире беззаконья
Вчерашние подвластные мужи.
Одна поправка: — Алчность урезоньте!
Разружьте под собой фундамент лжи.

И сразу же увидите сограждан,
Не сгорбленных, доверчивых, не злых,
Поскольку будет твёрдо верить каждый,
Что есть вверху заступники у них.

ПООСТОРОЖНЕЙ БЫ С ЕРМОЛОВЫМ

В последнее время в Орле развернулась широкая кампания по установлению памятника генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Памятник планируется боевой: на коне, с обнажённой шашкой. Зачем?*

Да, в тысячелетнем Смоленске стоит Кутузов, разгромивший Наполеона (не на коне). В Москве — выстраданный памятник маршалу Жукову (конный). Но ведь это герои войн Отечественных, а не захватнических. Что касается генерала Ермолова, то это, как говорится, совсем другая песня. В истории, конечно, невозможно мерить всё и всех одной меркой, но ведь даже царя шокировала жестокость, с которой его наместник покорял Кавказ, и многие современники Ермолова писали и говорили о том же: о подвешенных за рёбра муллах, о сожжённых вместе с жителями аулах, о детях, взятых в заложники.

Может, не стоит так рьяно подчёркивать воинские заслуги, в которых столько сомнений? Была бы моя воля, я бы предложил поставить скромный обелиск в селе Лукьянчиково, родовом имении генерала — это было бы куда уместнее.

Орёл

* Опубликовано в сокращении

ПИСЬМО В АФРИКУ

Эфиопия, г. Аддис-Абеба
Вилла Назимы Ханафи МУХАММЕД

Здравствуйте, уважаемые Юрий Дмитриевич и Назима Ханафи Мухаммед! Поклон Вам и Вашим родственникам из далёкого Орла, города, который Вам напомнит о многом...

Высылаю Вам свою книгу с дарственной надписью, поскольку имена исторических лиц — Тургенева и Шамиля — затронуты в моём творчестве. Вы — их дальние родственники. Думаю, что Вам будет интересно прочитать ЧТО пишется о них. В книге «Шапка Мономаха» опубликован цикл стихотворений «Шамиль в Калуге» — о его «почётном» пленении.

По этому вопросу я советовался с Расулом Гамзатовым, изучил редкие издания. Книга будет отослана в Дагестан в «Фонд Шамиля».

Юрий Дмитриевич! В этом году будет отмечаться 430 лет городу Вашего детства, а в 1998 году — 180 лет со дня рождения И.С. Тургенева. Накануне этих знаменательных дат мне, как автору, хотелось бы повидаться с Вами, услышать что-нибудь неизвестное, а потом об этой встрече рассказать в новой книге.

Буду рад, если от Вас я получу ПРИГЛАШЕНИЕ.
С пожеланием крепкого здоровья и всего доброго!

Виктор Рассохин,
член Союза российских писателей
20 апреля 1996 г.

P. S. Ответа я не получил. Возможно, адрес был не точен, возможно, помешали спецслужбы или намудрила губернско-столичная почта, что бывает нередко...

Позже, по некоторым материалам печати, я узнал, что внучатый племянник Ивана Тургенева Юрий Лапин и Назима Ханафи Мухаммед побывали в Москве, Санкт-Петербурге и, конечно же, в Дагестане... Они посетили места, связанные со знаменитым имамом и родственником, отвечали на многие вопросы почтенных старцев и молодёжи, правда, с большим трудом из-за языкового барьера. Супруги между собой общались по-французски.

Для Юрия Лапина — Россия была страной короткого детства, но при виде Родины, даже при узкой географии поездок, от ностальгических переживаний о матери и об отце — набегали слёзы на глаза.

Такое же чувство было когда-то у Александра Вертинского, увидевшего не каштаны Парижа, а милые берёзы, которые белоствольной красотой осветили песенно-измаявшуюся душу...

И, хотя муж и жена говорили на чужом языке, ставшем для них родным, необъяснимые зрительные впечатления от мест, связанных с их предками, дали им бодрость и силы на чужбине, которая стала для них расцветом их способностей и последним приютом.

СОДЕРЖАНИЕ

ШАМИЛЬ В КАЛУГЕ	3
----------------------------------	---

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Александр Пушкин. Делибаш	33
Михаил Лермонтов. Валерик. (Отрывок) . .	34
В горах	36
15 июля 1841 года	37
Мольба	38
В плену у ваххабистов	40
Расулу Гамзатову	43
Под пятигорском	44
В музее	44
Тигрица Цензура	45
Судьба Кавказа	45
Боль	46
Кавказская трагедия	47
Круговорот	48
ЗАРНИЦЫ СЧАСТЬЯ	50
НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ. (Заметки по поводу)	59
ТЕРРОР ТРЁХ ВЕКОВ	65
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	65
ПООСТОРОЖНЕЙ БЫ С ЕРМОЛОВЫМ	72
ПИСЬМО В АФРИКУ	74

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Орловское отделение
Союза российских писателей

Северная Осетия, Владикавказ,
Правительству и жителям
Южной Осетии

УВАЖАЕМЫЕ ОСЕТИНЫ, РУССКИЕ, ГРУЗИНЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ РОССИИ
И КАВКАЗА, ПОСТРАДАВШИЕ ОТ АГРЕССИИ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ ГРУЗИИ И ДЕЙСТВИЙ РЕЖИМА СААКАШВИЛИ!

Многотысячная трагедия, посетившая Вашу землю и семьи, - невос-
образимая, неопишущая и незабываемая боль для каждого здравомыс-
лящего человека, где бы он ни жил, работал, творил...

Общенациональное горе, духовно-моральный и психологический
удар, сократившие жизнь и здоровье людям всех возрастов, мужчинам
и женщинам, их судьбы в дальнейшем - не могут оставить нас без-
участными и равнодушными по отношению к Вам, Вашим семьям и род-
ственникам, к детям, ставшими сиротами...

Высылаем авторский дар для школ, библиотек, ВУЗов, Дворцов культу-
ры, музеев и спецпрофучилищ Южной Осетии - 50 книг: "Небесные
снайперы", "Тихие Гавайи?", "ТОК", "Лишний гражданин", "Мы Вас любим,
фронтовики!", "Сказка об Иване-Свидетеле".

Просим Вас уведомить авторов о получении книг по адресу: Россия,
г. Орёл, 302030, Новосильский переулок, дом 4, квартира 59, Рассохиным
Виктору Васильевичу и Сергею Викторовичу.

С верой в укрепление независимости и целостности Северной
и Южной Осетии, с пожеланием всего наилучшего Вам и Вашим
семьям, с поклоном и крепким рукопожатием, Ваши друзья из
российского города Орла - ВИКТОР И СЕРГЕЙ РАССОХИНЫ

P.S. Прилагаем к письму стихотворение "Кавказская трагедия", с
просьбой опубликовать его на страницах осетинских СМИ.

24 августа 2008 г., г. Орёл

НАС ЧИТАЛИ И ЧИТАЮТ...

Первое издание
«Небесных
снайперов»
быстро
разошлось...

Б.Н. Ельцин А.И. Лебедь В.В. Путин Д.А. Медведев А.Г. Лукашенко А.И. Солженицын
А.Д. Алханов Алексей II Паисий Иероним Е.С. Стровес Н.В. Азаров

В НАПРЯЖЕНИИ ВРЕМЕНИ

Рецензия на книгу Виктора и Сергея Рассохиных «Ток»
г. Орёл, Типография «Труд», 2006–2007 гг.

Французская военная делегация почтила
память лётчиков эскадрильи
«Нормандия», погибших на орловской земле

Книга «Небесные снайперы»
ковалеру двух орденов Славы
М.С. Федотову

Моряку Сергею Рассохиному
пригодился опыт контр-
адмирала Л.М. Сальникова

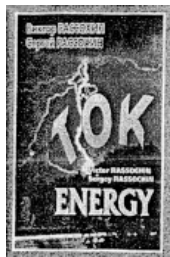
На протяжении свыше 25 лет Виктор и Сергей Рассохины непрерывно трудились над многожанровой книгой «ТОК», посвященной крестьянству, истории и наследию цивилизации, мировым войнам, успехам и неудачам научно-технического прогресса. На общественных началах семисотстраничный том вышел в свет накануне знаменательных дат Отечества и Орловщины.

Тысячи километров командировок и тысячи встреч с людьми послужили авторам I фундаментом подавляющего большинства абсолютно новых, ранее не публиковавшихся произведений. Труд земляков-писателей заслуживает пристального внимания и внимательного изучения, он важен и необходим, требует массового внедрения в школы, библиотеки, интернаты, вузы, учебно-воспитательные центры, училища и тюрьмы г. Орла и Орловской области, а в целом — всей России.

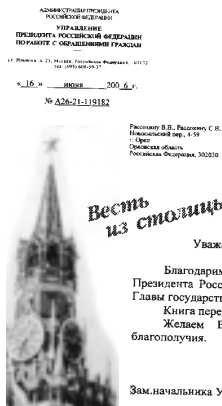
В Год русского языка фолиант одобрен и благословлен Администрацией Президента РФ В.В. Путина и Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Авторам поступили многочисленные отклики и просьбы о повторном выпуске, ввиду малотиражности первого издания. Книга находится в библиотеках и частных собраниях представителей верховной власти России и Планеты. Отмечена архиепископом Орловской и Ливенской епархии Владыкой Пансием. Она отображает многие нюансы всевозможных мероприятий, проходивших на Орловщине, является путеводителем по её новейшей истории, лично оформлена авторами. Несомненным успехом авторов важно отметить их благодарность всем участникам издания и работникам типографии «Труд», передачу первой, партии тиража ветеранам войны и труда 9 мая; 29 июля и 5 августа 2007 года.

В ближайшем будущем выйдет новая книга Виктора и Сергея Рассохиных по истории и конструкциям боевой истребительной авиации Второй Мировой войны. Верим, что она будет полна новых интересных и впечатляющих фактов, памятью об их предшествующих совместных книгах «Небесные снайперы» и «Тихие Гавайи?».

Андрей КУРНАКОВ,
народный художник СССР, академик, ветеран ВОВ,
Почётный гражданин города Орла.

*Около 50 газет
откликнулись на
книгу «Ток»,
включая
телевидение и
радио*

*Весть
из столицы*

Уважаемые Виктор Васильевич и Сергей Викторович !
Благодарим Вас за письмо и книгу, которые Вы прислали на имя
Президента Российской Федерации, и добрые слова, высказанные в адрес
Главы государства.
Книга передана в Библиотеку Президента Российской Федерации.
Желаем Вам и Вашим близким доброго здоровья, счастья,
благополучия.

Зам.начальника Управления

В.Д.Матвеев

*Автограф сыну
маршала К.К.
Рокоссовского —
генерал-майору
Рафаилу
Константиновичу*

*На встрече с
читателями*

**Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин**

ШАМИЛЬ В КАЛУТЕ

Цикл стихотворений,
строки воспоминаний, статьи
Книга издана в авторской редакции

В книге помещены фрагменты картин и рисунков
А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Г.Г. Гагарина,
Н.И. Поливанова, В.А. Тропинина, Д.П. Палена,
П.Е. Заболотского, И.Н. Крамского,
А.И. Куинджи, Ф.А. Рубо, Т. Горшельта,
К.Н. Филиппова, Р.Г. Судковского,
И.К. Айвазовского, Е.Е. Лансере

Подписано в печать . Формат 70x90¹/₃₂.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 2,19.

Тираж экз. Заказ № .

Цена договорная

Отпечатано в